

Душа социализма

Соль — добрая (вещь); но ежели соль не солонна будет, чѣм ее поправить? Имѣйте в себѣ соль.

(Мр. IX, 50).

I

Жизнь народов находится сейчас под знаком социализма. Его багровая звѣзда стоит на историческом небѣ, как грозное знаменіе, суд или пророчество, но во всяком случаѣ, как нѣкая историческая дѣйствительность. Можно его хотѣть или не хотѣть, призывать или устрашаться, видѣть или от него закрываться, но от него некуда уйти, он есть нѣкая судьба, если еще не для нас, то для будущаго поколѣнія.¹⁾ Он стоит перед нами, как загадка Сфинкса, готоваго пожрать ее не разгадавших. И если перед всѣм міром он предстоит как угроза или, по крайней мѣрѣ, кризис, то в отношеніи к Церкви он содержит вопрошаніе о своем религіозном смыслѣ или цѣнности: проклятіе или благословеніе на нем, принадлежит ли он к *civitas Dei*, или *civitas diabolica*,²⁾ к Вавилону, повергаемому ангелом (Апок. XVII-XVIII), или к граду Божьему, сходящему с неба? Ибо церковь отвѣтственна о жизни своего человѣчества и не должна остаться безучастной к его духовным нуждам. Отвѣты Церкви не даются как догматическій оракул, они рождаются в исканіях и бореніях тревожной мысли и мятущейся совѣсти, как вѣяніе духа Божьяго в человѣческих сердцах: идите и обрящите (Мф. VII, 7), сказано и о соборности церковной. На вѣчно зеленѣющем древѣ Церкви исторія дает новые побѣги в обновляющемся творествѣ жизни, которое отвергается в ученіи

¹⁾ Понятіе социализма берется тут в самом широком смыслѣ, как стихійно совершающаяся коллективизація хозяйства и стандартизація жизни, тот ея коммунизм, который наступает уже в нѣдрах централизованнаго капиталистическаго хозяйства, но затѣм частично или сразу разрывает его индивидуалистическую оболочку. В своей схемѣ «концентраціи», несмотря на всѣ ея односторонности и преувеличенія, К. Маркс проявил дѣйствительную историческую проницательность.

²⁾ Ср. мои «Два града» I-II. Москва. 1909.

и преданіи церковном. Так и нынѣ сознание поставлено пред фактом, который является религиозно-догматической проблемой для Церкви. Еще доселѣ она осторожно обходится и как бы не замѣчается во всем своеобразіи, оставаясь в области личной этики или аскетики, так и издревле ставились социальныя вопросы в церковном сознаниі. Как этическая проблема, социализм в наших глазах не представляет какой-либо трудности, скорѣе он — еще издревле — является как бы естественным постулатом социальной этики христіанства:³⁾ труд должен ограждаться от неправой эксплуатаціи, достойно вознаграждаться от своих плодов, а не являться жертвой насилія капитала. В послѣднее время церковныя дѣятели (в разных исповѣданіях) вообще пытаются справиться с социализмом через пріятіе его по мотивам христіанской филантропіи (разнаго вида «христіанскій социализм» наших дней), иногда прямо примыкая к чуждым христіанству политическим партіям (социал-демократіи и др., однако не дѣлая попытки догматически обнять вопрос в цѣлом.⁴⁾ С социализмом, как нѣким основным и обобщающим фактом в исторіи человѣчества, как своеобразной духовной установкой, слѣдует считаться, стоя на твердой догматической, а не только этической почвѣ, — в жизненной связи с Церковью, но однако не упрощая вопроса. И подобно тому, как в исторіи вѣроучительных опредѣленій, выражавших извѣстное достиженіе, всякому новому шагу вперед в догматическом сознаниі Церкви всегда предшествовало болѣе или менѣе продолжительное, вѣковое догматическое броженіе около спорнаго вопроса, так и в отношеніи к социализму мы находимся еще в состояніи броженія, исканія, личных мнѣній («ересей»). Нельзя об этом не думать или умалчивать, но и преждевременно личные домыслы почитать общецерковным до-

³⁾ При коренной ломкѣ всего міровоззрѣнія («от марксизма к идеализму» и, далѣе, к православію) у меня не было однако основанія в этом смыслѣ отрицаться социализма (конечно, не доктринальнаго), как общаго религиозно-этического постулата социальной политики. Ср. «Православіе и социализм» (Путь, 1929).

⁴⁾ Есть, наконец, в настоящее время попытка пріятія социализма, как нѣкагого непосредственнаго божественнаго факта («скайрос»), откровеніе Бога в исторіи, хотя, повидимому, при этом повторяется своеобразное фактооклонство с утратой той христіанской жемчужины, ради которой должны быть отданы всѣ сокровища міра. Ср. Ф. Степун. Религиозный социализм и христіанство. «Путь», № 29, август 1931.

стиженіем, необходимо только провѣрять их соглѣсіе с духом Церкви, приводя в связь со всѣм церковным преданіем. Однако нельзя не признать и того, что церковно-догматическое обсужденіе социализма и социальнаго вопроса, и в особенности в православіи, ⁵⁾ находится еще в самом началѣ.

Социализм не есть только социальное-экономическое движеніе, хотя в нем он и имѣет свое непосредственное выраженіе. Он есть и міровоззрѣніе или, точнѣе, жизнечувствіе, в котором проявляются разныя стороны челоѣческаго существа. Можно сказать, что социализм имѣет не только свое историческое тѣло, но и душу, и дух, и в этом смыслѣ он получает для своих adeptов значеніе суррогата религіи, как нѣкоего цѣлостнаго, не только теоретическаго, но и практическаго міровоззрѣнія. Тѣло социализма для всѣх видимо, это — социальный вопрос наших дней: индустриализм, банкократія, классовыя противорѣчія, промышленные и финансовые кризисы, безработица, социалистическія партіи, коммунизм с диктатурой пролетаріата, — всѣ эти подземные удары и землетрясенія, непрестанно угрожающіе прочности стараго міра и частично его уже разрушающіе. Вызывающее мотто Лассаля: *pequeo si superos Acheronta movebo*, уже стало дѣйствительностью, как и гнѣвныя пророчества Карлейля о скованном Энкеладѣ вмѣстѣ с мстительным провидѣніем Маркса о «диктатурѣ» пролетаріата и его же злоѣщим: «экспроприрующих экспроприруют». Тѣло социализма подобно многообразному, измѣнчивому Протею. Если вчера еще он имѣл нелегальное, подпольное существованіе, то сегодня он стал принудительной, иногда даже господствующей дѣйствительностью, прежде всего, на нашей родинѣ. Но и все челоѣчество нынѣ в большей или меньшей степени облекается в социалистическія одежды, становится социалистическим муравейником, и как будто не видится силы остановить его распространеніе. Экономисты могут по разному расцѣпывать предѣлы и неизбѣжность социализма, однако вовсе отрицать его, как

⁵⁾ Обновленчество в Россіи изъявило на это притязаніе, но цѣнность его уничтожается сервилистическим, неискренним к нему отношеніем, которое поэтому не пошло дальше льстивых восхваленій совѣтских достижений. В православной («тихоновской») церкви разных группировок одинаково отсутствует доселѣ такое догматическое броженіе, по крайней мѣрѣ, примѣтное.

характерное явление жизни, уже невозможно. Рѣчь может идти развѣ только о разных пропорціях, в которыхъ выражается вліяніе в социализированной жизни факторов, несоціалистических. Тѣ, которые теперь приходят в мір, застают его в стадіи надвигающагося социализма. Понятый только как вопросъ о богатыхъ и бѣдныхъ, социализмъ всегда существовалъ в исторіи человѣчества, будучи однако исторически мало замѣтнымъ и не опредѣляющимъ фактомъ. Теперь онъ сталъ фактомъ не только внѣшней, но и внутренней жизни, ибо социализмъ имѣетъ и свою собственную душу, притомъ совершенно языческую, и духъ, доселѣ опредѣленно богоборческой. Остановимся сначала на душѣ социализма.

Она опредѣляется особой антропологіей, ему свойственной. В этомъ ученіи о человѣкѣ являются характерными двѣ черты: социологизмъ и экономизмъ. В основѣ обѣихъ лежитъ нѣкоторый жизненный опытъ или узрѣніе, нарочито доступное нашему времени. Социологизмъ исходитъ изъ родового характера человѣческаго существа. Человѣкъ всегда зналъ себя какъ родовое существо, и еще в Вѣтхомъ Завѣтѣ мы встрѣчаемся съ персонификаціей родовыхъ «совокупностей»: Израиль, Амалик, Ассур, Исмаилъ и проч., или звѣри Даниилова апокалипсиса, повторяющіеся и в Апокалипсисѣ новозавѣтномъ. Теперь эти звѣри непримѣтно преобразились в группы или классы, абстрактныя міры социологій. Современные социальныя телескопы и микроскопы, которыми владѣетъ статистика и вообще социальная наука, воочию показываютъ реальность и самозаконность социальнаго тѣла, хотя они доселѣ не умѣютъ познавать таковую же реальность личности, которая теряется в социальномъ цѣломъ и даже отрицается во имя его. Такимъ образомъ утрачивается вѣра в человѣческую личность и ея реальность, т-е. именно то, что составляетъ первую и основную данность для религіи. Однако об этомъ далѣе.

Вторая черта, **экономизмъ**, есть общее признаніе зависимости человѣческой личности отъ природы, причемъ эта зависимость и осуществляется и преодолевается трудомъ, создающимъ цѣнности или богатства, а в нихъ и с ними и всю человѣческую культуру. Экономизмъ имѣетъ свое предѣльное выраженіе в марксизмѣ с его такъ называемымъ «экономическимъ матеріализмомъ», который правильнѣе однако называть **матеріалистическимъ** **эконо-**

мизмом, — в противоположность духовному (или даже спиритуалистическому). Им и вообще насыщена наша эпоха: развитие экономических знаний, с их особой, условной и односторонней стилизацией жизни, экономическое направление в исторической науке, в прессе, общественности. «Мир, как хозяйство», и человек, как хозяин, — таково основное узрение этой антропологии.⁶⁾ Этот экономизм обычно сознает себя как материалистический и вместе даже зоологический. Хозяйственная борьба понимается в нем как частичный случай общей борьбы за существование, ведущейся во всем животном мире, и этот социальный дарвинизм еще восполняется грубо материалистическим пониманием (вернее, непониманием) хозяйственного процесса. При этом не замечается, что хозяйство есть не только рабство человека стихиям, но и непрерывное откровение о человеческом духе, торжество и откровение человечности.

В хозяйственном отношении к миру дивным образом открывается и величие призвания человека, и глубина его ладения. Оно есть **действенное** отношение к миру, в котором человек овладевает природой, ее очеловечивая, деля ее своим периферическим телом. Человек есть микрокосм, как логос мира и его душа. В хозяйстве, как труде, осуществляется полнота действительности человека не только как физического работника («серп и молот»), как это суживается в материалистическом экономизме, но и как разумной воли в мире. Научное естествознание и техника раскрывают перед человеком мир, как безграничные возможности. Глухая и косная безформенная материя дѣлается прозрачна и духовна, становится человеческим чувствительным и как бы отъдеснивается. Этим выявляется космизм человека, его господственное призвание в мире. В хозяйстве же наглядно свидетельствуется и внешне ограждается и единство человеческого рода, ибо труд человека, как хозяйственного дѣятеля («трансцендентальный субъект хозяйства»), слагается во едино, продолжается непрерывно, интегрируется в историю. В хозяйстве мир дематериализуется, становится совокупностью духовных энергий. Поэтому, между прочим, изжива-

⁶⁾ Хозяйство, как онтологическую проблему, я сдѣлал предметом изслѣдованія в книгѣ «Философія хозяйства» I. Мир как хозяйство. Москва. 1911.

ніе матеріалістическаго економизма само собою совершается на пути дальнѣйшаго хозяйственнаго же развитія, которое все болѣе сокращает область матеріи, превращая ее в человѣческія энергіи; мір становится мірочеловѣком. Однако в хозяйственном отношеніи к міру выражается и паденіе человѣка, которому свойственна смертная жизнь, и хозяйство становится трудом в потѣ лица для поддержанія жизни в непрестанной борьбѣ со смертью. Зависимость человѣка от хозяйства есть плѣн смерти, сама эта смерть. Хозяйство есть рабство смерти, и потому оно подневольно, корыстно, и к нему относится правда марксизма, который есть нѣмотствующій философскій пересказ II главы Бытія (о судѣ Божіем над человѣком). Однако и в паденіи человѣк сохраняет свою софійную природу, и его хозяйственная жизнь отмѣчена не одной корыстью, но и творчески-художественным призваніем человѣка, служеніем идеалу и, как все человѣческое, стремленіем себя перерастаи. И этот творческій мірообъемлющій размах хозяйства присущ нашей эпохѣ, когда мір становится человѣческим дѣлом. Философы много истолковывали мір, пора его передѣлать, — мір дан не для поглядѣнья, все трудовое, ничего дарового, — так почти одновременно в разных концах Европы и на разных путях выразили одну и ту же мысль два философа хозяйства — К. Маркс и Н. Э. Федоров. Этот колоссальный всемірно-историческій факт — хозяйственнаго покоренія, очеловѣчиванія и в этом смыслѣ преобразованія (хотя еще и не преображенія) міра—уже обозначился, хотя пока и не совершился в исторіи. Он стоит и перед нашим религіозным сознанием, требуя для себя духовнаго уразумѣнія, догмата... о хозяйствѣ. Это послѣднее до сих пор знает для себя только языческіе догматы эпикуреизма: всякое умноженіе потребностей есть благо, стремленіе к богатству и себялюбіе есть единственный критерій в хозяйственной жизни и т. п. Такова нехитрая мораль экономическаго эмпиризма. Недалеко от этого безпринципнаго эмпиризма ушла и та мудрость, которою располагало в отношеніи к хозяйству и церковное сознание. Для личнаго поведенія оно располагало извѣстным запасом аскетическихъ идей, опирающихся на твердыхъ Евангѣльскихъ основаніяхъ и духовныхъ традиціяхъ. Отношеніе к богатству здѣсь только отрицательное, как к похоти пло-

ти, в которой проявляется сила грѣха и смѣрти. Этим вводится в хозяйственную жизнь аскетическій корректив, провѣряющій пред судом совѣсти каждый хозяйственный акт. Однако он является недостаточным. Согласно Библии, труд есть и сам по себѣ религиозный долг человѣка, причем обстановка труда не есть дѣло личного самоопредѣленія, поскольку хозяйственная жизнь есть процесс общественный. В извѣстном смыслѣ хозяйственное поприще с различными его возможностями есть род судьбы для человѣка, а судьба эта состоит и в том, что из отдѣльных хозяйственных актов — гетерогеніей цѣлей, — создается цѣлый хозяйственный космос, в котором мы живем. И в отношеніи этой судьбы и этого космоса личная аскетика не имѣет никаких руководящих идей, относится к ним только эмпирически, как к факту. А это принципиальное незамѣчаніе приводит к практическому приспособленію, т.-е. внутренней и внѣшней секуляризаціи жизни. Монастырь, который духовно утверждает на аскетическом отверженіи міра и нестяжательности, усваивает для своих хозяйственных нужд всѣ завоеванія техники и хозяйственного оборота, как нѣчто само собою разумѣющееся, ибо «деньги не пахнут». Принципиально Церковь освящает «всякую вещь», которую приносит мір из своей сокровищницы, однако послѣдняя давно уже вышла из-под ея наблюденія. Можно сказать, что не бывало еще эпохи в исторіи, когда хозяйственная жизнь была бы, в такой степени обмирщена, представлена своей стихіи, как теперешняя. В языческом мірѣ, так же, как в христіанском средневѣковѣ, не было такой секуляризаціи хозяйства, как теперь у христіанских народов (да и сейчас жизнь у нехристіанских народов — в Индіи, Китаѣ, Японіи, Турціи и др. является религиозно насыщеннѣе, чѣм у христіанских). Эта секуляризація и получила теперь для себя идеологическое выраженіе в матеріалистическом экономизмѣ, который содержит в себѣ нѣкую правду относительно хозяйственной жизни нашего времени, ибо она протекает дѣйствительно без Бога, не перед лицом Божиим. Поэтому борьба с этим матеріализмом не может оставаться лишь апологетической, показывающей его скудость и противорѣчивость, но и положительной, показывающей христіанскій смысл совершающагося и возвращающей хозяйственной стихіи ея церковный смысл. Между

тѣм до сих пор господствующим отношеніем к хозяйству является практически-безпринципное пріятіе того, что идеологически разсматривается покуда лишь как «чудеса антихриста».

Куда же ведет нас хозяйственное развитіе, имѣет ли и хозяйство о себѣ пророчество, каким хочет быть о нем социализм? Не есть ли это послѣднее и всеобщее всемірно-историческое искушеніе, от котораго слѣдует спастись избранным в пропасть и разсѣлинах земных, если таковыя еще останутся? Суждено ли христіанам им искушаться, его не признавая, или же оно нужно, ибо через него лежит неизбѣжный путь исторіи к за-историческому, эсхатологическому свершенію? До сих пор исторія и эсхатологія, временное свершеніе и конец его, разрываются между собой и противопоставляются, так, что между ними практически отрицается всякая связь: одно должно прекратиться, чтобы началось другое, как *deus ex machina*. И в этом эсхатологическом трансцендентизмѣ гаснут всѣ земные огни и уничтожаются всѣ земныя цѣнности, — остаются только личные заслуги и грѣхи, с их потусторонними эквивалентами в видѣ награды и наказанія, принимаемых каждой отдѣльной личностью, без мысли об общем человѣческом дѣлѣ в исторіи. Из этого историческаго и социологическаго нигилизма в эсхатологіи вытекает и соотвѣтственный нигилизм в исторіи. Однако исторія в ея внутреннем апокалипсисѣ уже есть эсхатологія, совершающаяся во времени, и Второе пришествіе Господа, дня и часа котораго никто не знает, кромѣ Отца Небеснаго, в смыслѣ трансцендентном, имѣет для себя историческіе времена и сроки имманентнаго созрѣванія, и в этой исторической эсхатологіи должно быть отведено мѣсто и хозяйству с его достиженіями. Во всяком случаѣ перед нами встает этот вопрос: должен ли быть труд человѣка под солнцем включен в вѣчность, открываемую эсхатологіей, или же из нея изгнан? Если да, то как и в каком смыслѣ? Если же нѣтъ, то почему? (ибо пока это не показано).

Исторія есть самоопредѣленіе и самооткровеніе человѣка — во Христѣ и против Христа (ибо антропологія есть и христологія, как и наоборот). Но сама жизнь человѣка не существует внѣ его хозяйственнаго творчества, которое постольку лежит в путях Божіих. Естественно, если в эту нарочитую эпоху

экономизма встают вопросы эсхатологии хозяйства, притом на обоих противоположных полюсах человеческой мысли — христианской и антихристианской, богоборной. Можно назвать два имени, которые обозначают собой оба эти религиозные устремления и в этом смысле являются знаменем эпохи с обими ее путями: к Вавилону и к Граду Божию. Имена эти: К. Маркс и Н. Э. Федоров.⁷⁾

В Маркс с особенной силой проявился дух антихристианского богоборства, который однако соединяется с подлинным социальным паэосом и устремленностью к будущему. В нем было нечто от той расплавленности духа еврейских пророков, — однако в безбожии, — которая покоряет сердца. Он понял человека, как демиурга, который, преображая мир, экономический и социальный, преодолевает грани истории (*Vorgeschichte*) и совершает трансценз («прыжок») в эсхатологию (*Geschichte*). Он транспонирует на безбожный язык своего материалистического экономизма древня пророчества о горѣ Божией и мессіанском царствѣ. Но, конечно, для безбожія нѣтъ и не может быть эсхатологии, которая именно и состоит во встрѣчѣ Бога с міром, в явленіи Лица Божія всему творенію, и, конечно, его обезбоженная эсхатология («*Geschichte*») есть и величайшая пустота. *Vorgeschichte* (т.-е. история) с своим драматизмом и содержательностью, конечно, превосходит эту грядущую пустоту, которая по прежнему остается областью смерти и временности. (В этом смысле Маркс вмѣстѣ с другими безбожными прогрессистами должен быть отнесен к числу «смертобожников» по выраженію теперешних федоровцев). Н. Э. Федоров своим «проектом» преображенія міра и побѣды над смертью путем «регуляціи природы» сдѣлал впервые попытку религиозно осмыслить хозяйство, дав ему мѣсто и в эсхатологии. Человек и для него есть демиург, строитель космоса, но в то же время он есть и сын человеческій, родовое существо, имѣющее отцов, живущее во всечеловѣческом «братотвореніи». Исполняя волю Божию, он становится и сыном Божиим, дѣлая дѣло Христово в мірѣ, объявляя войну послѣдному врагу — смерти и своими

⁷⁾ Ср. о них: «К. Маркс как религиозный тип». («Два града» и отдѣльно) и «Загадочный мыслитель» (там же), а также соответственныя главы в «Свѣтѣ Невечернем» (Москва, 1917).

силами осуществляя воскресение отцов. Царство будущего века совершается человечеством в регуляции природы, история становится эсхатологией. Ни у кого из мыслителей, современных Федорову и ему лично близких (Достоевский, Вл. Соловьев, Л. Толстой, Фет, Вл. А. Кожевников и мн. др.), при всем их личном к нему почитании, не нашлось решимости сказать его «проекту» прямого да, как нѣтъ ея и у наших современных мыслителей (за исключением Петерсона и нѣкоторых молодых федоровцев), но и — что не менѣ замѣчательно — никто из них не рѣшился сказать и прямого нѣтъ. Остается признать, что не пришло еще время для жизненного опознания этой мысли, — пророку дано упреждать свое время. Но в этом «учитель и утѣшитель» совершилось «движение христіанской мысли» (Вл. Соловьев), в нем впервые спросило себя христіанское сознание о том, о чем спрашивает эпоха, и что говорит Бог в откровении истории. Федоров понял «регуляцию природы», как общее дѣло человеческого рода, сынов человеческих, призванных стать сынами Божиими, как совершение судеб Божіих. Тѣм самым он предлагает путь и к положительному преодолѣнію экономизма материалистическаго, своеобразно примѣняя к хозяйству основные догматы христіанства. Материалистическій экономизм преодолим христіанской мыслью. Церковь и теперь спасает отдѣльные души от духовной смерти в нем, но она будет сильна жизненно преодолѣть его, лишь когда явит свою истину об экономизмѣ и тѣм устраним почву для клеветы и искаженій. Но это должно стать не личным мнѣніем, а дѣлом Церкви, которая есть столп и утверждение истины, ибо врата адовы не одолѣют ея.

Прот. С. Булгаков.